

ТРУДЫ ВТОРОЙ СЕССИИ
АССОЦИАЦИИ АРАБИСТОВ

19—23 октября 1937 г.

ПОД РЕДАКЦИЕЙ И С ПРЕДИСЛОВИЕМ
АКАД. И. Ю. КРАЧКОВСКОГО

ТРУДЫ ИНСТИТУТА ВОСТОКОВЕДЕНИЯ, вып. XXXVI

К ХАРАКТЕРИСТИКЕ ЯЗЫКА СРЕДНЕАЗИАТСКИХ АРАБОВ (ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЕ СООБЩЕНИЕ)

Опубликование в томе V „Записок Коллегии востоковедов“ (Академии Наук СССР) сообщения Н. Бурькиной и М. Измайловой об арабских наречиях Средней Азии¹ явилось событием исключительной важности для истории арабской диалектологии. Авторам сообщения удалось обнаружить в Бухарском и Кашкадарьинском округах Узбекской ССР арабов, говорящих по-арабски. О пребывании арабов в Средней Азии в литературе известно давно, но до самых последних времен специалисты не располагали материалами, свидетельствующими о сохранении живой арабской речи среди среднеазиатских арабов. Важность изучения указанных наречий ясна всякому, интересующемуся вопросами семитологии и арабской диалектологии в частности. В своем докладе на первой Сессии арабистов Я. С. Виленчик, касаясь вопросов развития арабских диалектов, указывал, что „если язык бедуинов аравийской пустыни и прилегающих к ней степей представляет собою дальнейшее развитие староарабских диалектов доисламского населения, то арабидские диалекты (если употребить термин Я. С. Виленчика), т. е. диалекты оседлого населения Ирака, Сирии, Палестины, Египта и т. д. возникли как продукт смешения староарабских говоров исламских завоевателей и языков туземного населения завоеванных ими стран и развивались в направлении, сходном с аравийскими говорами“.² Но при этом не следует забывать, что с развитием социально-культурных отношений в странах арабского Востока растут значение и роль литературного арабского языка. Растет влияние классического языка на диалекты. Это влияние сильнее чувствуется в странах с более высокой образованностью, именно — в Египте и Сирии. Этим и объясняется, что египетское и сирийское наречия, в основе которых лежит иноязычный субстрат, в некотором отношении значительно ближе стоят к литературному арабскому языку, чем более изолированно развивающиеся аравийские диалекты центральноаравийской пустыни. Наконец, не следует упускать из виду того обстоятельства, что в Египте и Сирии вырабатывается *κοινή διάλεκτος*, влияние которого простирается далеко за пределы этих стран. В силу сказанного, понятен интерес к языку оторванных от арабского мира безграмотных среднеазиатских арабов. Влияние классического языка, так же как и диалектов арабских, в данном случае сводится к минимуму. С другой стороны, развивающиеся самостоятельно в продолжение веков диалекты не могли не подвергнуться влиянию

¹ Н. Бурькина и М. Измайлова. Некоторые данные по языку арабов кишлака Джугары Бухарского округа и кишлака Джейнау Кашкадарьинского округа Узбекской ССР. Зап. Колл. востоковед., V, стр. 527—549.

² J. S. Vilenčik. Zur Genesis der arabischen Zweisprachigkeit. OLZ, 1935, p. 721 ff.

окружающих языков — таджикского и узбекского, отчасти также афганского и туркменского. Поэтому естественно ожидать сохранения старейших форм, с одной стороны, и тенденции к развитию новых явлений, — с другой, именно в среднеазиатском арабском, который, в силу особых условий своего развития, занимает совершенно обособленное место среди остальных диалектов арабского языка.

После опубликования указанной статьи Н. Бурыкиной и М. Измайловой прошло около 7 лет, но, к сожалению, новых сведений о среднеазиатском арабском в литературе еще не появлялось, хотя материалы уже накопились в достаточном количестве как в Ленинграде, так и в Тбилиси. За последнее время нам пришлось специально заниматься среднеазиатским арабским, и в настоящем докладе мы предполагаем вкратце коснуться некоторых особенностей этого языка, не ставя себе задачи дать здесь подробную характеристику изучаемого диалекта, а считая возможным ограничиться выводами общего характера, к которым мы пришли в результате работы над указанным вопросом.

1. ОБЛАСТЬ РАСПРОСТРАНЕНИЯ АРАБСКОГО ЯЗЫКА В СРЕДНЕЙ АЗИИ

Прежде всего следует отметить, что в настоящее время нам известны только некоторые районы с арабским населением, говорящим по-арабски. Но, несомненно, при дальнейших изысканиях удастся обнаружить еще новые центры распространения арабской речи, ибо, как выясняется, не только территория Узбекской ССР, но и территории Таджикистана и Туркменистана были населены арабами в огромном количестве. Во многих кишлаках Средней Азии местные жители до сих пор помнят свои арабские племенные названия и все еще считают себя арабами. Так же называют их окружающее население. Впоследствии арабы Средней Азии ассимилировались с местным населением и совершенно утратили свой язык. Процесс ассимиляции продолжается и сейчас. Во многих местностях Вабкендского, Гидждуванского, Бешкендского и других районов указывают на кишлаки, где еще несколько десятков лет тому назад говорили на арабском языке, от которого теперь сохранились только следы. В настоящее время известны только следующие места с арабоязычным населением: в Гидждуванском районе — кишлаки Ġāgarġ, Ćrdarġa (или Ćagdarġ) и Šahan-Bag; в районе Вабкенда — кишлак ‘Arab-hāne (или ‘Arabġn), иногда называемый местным населением по ошибке Mir-Sulejman-ом или Rosbadanġ. Второй центр арабоязычного населения находится несколько южнее, к северо-западу от г. Қарші Қашқадарьинской области, в Бешкендском районе, именно — кишлаки Қаташі и Ğejnau.

Кроме перечисленных кишлаков, местное население указывает на целый ряд селений,¹ где будто бы еще говорят по-арабски. Но, к сожалению, пока эти сведения не проверены.

Кроме того, арабы из кишлака Джейнау указывают, что в Афганском Туркестане, в сторону Маймоне, поблизости Ахчи и Шубургана, живут арабы в большом количестве и что сами они являются переселенцами из этих местностей. Переселение из Афганистана продолжалось до самых последних времен, и старики еще помнят отдельные случаи таких переселений. Так, напр., они указывают, что прадед одного колхозника Нoġa Murād’a ‘Ašġr Barfāġ только в начале XIX ст. переселился из Афгани-

¹ Некоторые из них перечислены в работе Н. Бурыкиной и М. Измайловой (стр. 532—533).

стана. В связи с этим, характерно отметить, что влияние афганского сказывается на среднеазиатском арабском в большей степени, чем на окружающих его языках — узбекском и таджикском.

Арабы Бухарской и Қашқадарьинской областей до последнего времени жили оторванно друг от друга. Они вели замкнутый образ жизни и были также оторваны от местного населения. В жены брали арабов. Только в последнее время стали они устанавливать родственные отношения с таджиками и узбеками.

Арабы Бухарской области, так же как и Қашқадарьинского округа, относят себя к разным племенам (*'urūk*), вроде *sa'nānī*, *šeibānī*, *ša'bānī*, *ḥašimī*, *ḡurajšī* и т. д. Эти племена со своей стороны подразделяются на колена. Так, напр., арабы кишлака Джейнау насчитывают шесть колен: Вауāга, 'Ауāпа, Ḥarrūk, Andhōj, Čuḡurḡul, Ḳattarōj. Из них первые три колена говорят по-арабски, остальные — уже совершенно утратили свой язык.

Наша работа протекала, главным образом, в кишлаках Čardarī и Čāgarī Гидждуванского района и в кишлаке 'Arab-hāne Вабкендского района. Кроме того, мы записали некоторое количество текстов в кишлаках Ḳamašī и Čejnāu Бешкендского района Қашқадарьинского округа.

2. МЕСТО СРЕДНЕАЗИАТСКОГО АРАБСКОГО СРЕДИ ДИАЛЕКТОВ АРАБСКОГО ЯЗЫКА

В результате этой работы для нас стало ясно, что среднеазиатский арабский является самостоятельным диалектом, отличающимся от известных до сих пор арабских диалектов целым рядом явлений как в области фонетики, так и морфологии, лексики и главным образом синтаксиса.

С другой стороны, внутри самого среднеазиатского необходимо отметить наличие, по крайней мере, двух самостоятельных наречий: а) одного, распространенного среди арабов, обитающих в Бухарской области, и называемого нами бухарским наречием среднеазиатского диалекта арабского языка, и б) другого, свойственного арабам, живущим в Қашқадарьинском округе, к северо-западу от г. Қарши, называемого нами қашқадарьинским наречием того же диалекта. Указанные два наречия со своей стороны распадаются на отдельные говоры, отличающиеся друг от друга подчас в значительной степени как в области лексики, так и морфологии и фонетики. Разница чувствуется даже в разных *maḥalla* (кварталах) одного и того же кишлака (напр., в Джейнау арабы из колена 'Ауāпа сами указывают на некоторые расхождения их речи с языком Вауāга).

3. ЗВУКИ

С о г л а с н ы е. В настоящее время в среднеазиатском арабском сохранилось большинство исконных арабских звуков. На ряду с утратой некоторых звуков прибавлено два чуждых арабскому языку звука: *р* и *č*.¹ При этом они не являются исключительно иноязычным вкладом, а возникли на почве развития соответствующих арабских звуков, быть может, не без влияния окружающих языков. Эти звуки появляются не только в словах таджикского или узбекского происхождения, но и в таких исконно арабских словах, как *ḡarar* < هرب 'убежал'; *uṣu* وجه 'его лицо';

¹ Н. В. Юшманов. Арабское наречие Советского Востока. Культура и письменность Востока, кн. X, М., 1931, стр. 77.

ni'āš < نعاж 'овцы'; šūgīja (тадж. sōgīja, класс. араб. جارية) 'прислуга'; ḥaš < حح (хадждж) 'паломничество' и т. д. Таким образом в обследованном диалекте š не является результатом палатализации задненебного k, как это имеем, напр., в месопотамском, а следствием оглушения соответствующего согласного. Точно так же первичный b часто дает глухой придыхательный p. Наряду с этим, встречается и промежуточный звук, глухой media b. Из глухих mediae, кроме b, следует также отметить d и g.

С другой стороны, в изучаемом диалекте констатированы утрата некоторых исконных согласных (ث, ذ, отчасти ع) и ослабление артикуляции отдельных типичных для семитических языков звуков.

Из лабиальных следует отметить сильное ослабление артикуляции лабио-дентального глухого f, что иногда приводит к его исчезновению (напр. ḥilā < ḥilāf). Констатировано также некоторое изменение артикуляции билабиального u, который приближается к лабио-дентальному v, особенно перед гласными e и i.

Междузубные щелинные ث и ذ в Ġrī дают s¹ и d — весьма любопытный случай отражения согласных одного и того же характера (щелинных), звонкого ذ и глухого ث по-разному: в одном случае зазубным смычным, а в другом — сибилантом. В Ġeīnāu эти звуки переданы более последовательно: s и z, хотя и там встречаются такие случаи, как matal < مثل; ḥāda < هذا, и т. д. Эмфатический шумно-латеральный ح, который в бедуинском и феллаḥском совпадает с ḥ,² в нашем диалекте произносится как z, с сильной тенденцией к ослаблению артикуляции.

Из веларизованных переднеязычных сохранились, кроме того, смычный t и щелинный š.

Палатализированный латеральный l в Ġrī произносится значительно мягче, чем обычное арабское l, и приближается к i. Этим и объясняется его утрата в одних случаях (в конце слова, перед последующим согласным) или замена им щелинного палатального i (lihla < lihja 'борода' в данном случае, очевидно, не без влияния первого коренного l).

Язычковый смычный ق в қашқадарьинском почти всегда произносится звонко, подобно месопотамскому g. В бухарском наречии этот звук обычно заменяется глухим k, но и здесь встречаются единичные случаи его звонкого произношения (giddāmu < قدامه). Фарингальные ع и ḥح полностью сохранили старую артикуляцию, но при этом в конце слова (а в Ġeīnāu и в других случаях) и в соседстве с глухими гласными наблюдается изменение ع в ḥح в результате утраты им звонкости. Это явление, распространенное и в других арабских диалектах (хотя, может быть, не в такой степени, как в среднеазиатском арабском), естественно, если вспомнить, что ع не что иное как звонкий коррелятив глухого ح и что при утрате звонкости 'айном слышится ḥ (Gairdner, Mattsson).

Из глоттальных согласных в обследованном диалекте сохранился только h. Хамза или бесследно теряется, или заменяется 'айном (mi'a < مائة; ġa' [-Ġeīnāu-] < جاء; kuṛ'ān < قرآن, и т. д.), иногда палатальным i (ср. аналогичные явления, напр., в иракском).³ Она встречается только в некоторых междометиях и отрицательной частице la' (в паузе).

¹ Наряду с этим нередко встречаются случаи t < ث.

² Н. В. Юшманов, *ibid.*, стр. 77.

³ B. Meissner. *Neuarabische Gedichten aus dem Iraq. Beitr. z. Assyriol. u. semit. Sprachwiss.*, Bd. V, hrsg. von Friedrich Delitzsch und Paul Haupt. Leipzig, 1906, pp. VII—VIII.

Гласные. Среди гласных в обследованном диалекте констатируется наличие пяти основных фонем, меняющих окраску в условиях палатализации, лабиализации, веляризации и т. д. На окраску гласного может влиять любой согласный. Долгота гласных уже не играет прежней роли, и заметно стремление к сокращению долгих гласных (особенно в конце слова, а отчасти в замкнутом слоге и в середине), хотя они все еще встречаются. Первичное долгое „а“ обычно произносится как $\bar{a}$: $\bar{k}\bar{a}l$ 'сказал'; $\bar{t}\bar{a}'\bar{a}m$ 'пища'; $\bar{p}\bar{a}'\bar{s}\bar{a}$ 'паша';¹ $\bar{m}\bar{a}t$ 'умер'; $\bar{d}u\bar{m}\bar{a}'\bar{g}$ 'настроение';² и т. д. Кроме того, встречаются случаи сохранения старой артикуляции: $\bar{s}\bar{a}fu$ '[-он-] видел [-его-]'; $\bar{s}\bar{a}lu$ '[-он-] поднял [-его-]', и т. д. Очень часто $\bar{a}$, вследствие дальнейшего затемнения, произносится как $\bar{o}$. С другой стороны зафиксировано произношение первичного долгого $\bar{a}$ как $\bar{æ}$ ($\bar{k}\bar{æ}i:n$, $\bar{k}\bar{æ}i:na$ и т. д.). В слове $\bar{r}\bar{a}'s$ 'голова', вместо ожидаемого $\bar{r}\bar{a}s$ (что и имеем в кашкардарьинском), в бухарском наречии встречаем форму $\bar{r}\bar{a}s$ с 'чистым' кратким гласным „а“. Кроме того, наблюдается затемнение и краткого „а“, особенно в соседстве с губными: $\bar{a}b\bar{i}az$ 'белый'; $\bar{a}rba'$ || $\bar{a}rba\bar{h}$ 'четыре' и т. д. Ударяемое первичное долгое „у“ в конце слова, подобно бедуинскому, стягивается в $\bar{u}$: $\bar{a}b\bar{u}'h$ 'его отец'; $\bar{s}\bar{a}l\bar{u}'h$ '[они] подняли [его]'; $\bar{s}\bar{a}f\bar{u}'h$ '[они] увидели [его]'; $\bar{d}\bar{a}s\bar{u}'h$ 'они сжали [то]' и т. д.

4. УДАРЕНИЕ

В настоящее время трудно указать с точностью правила применения ударения в обследованном диалекте. Оно часто меняется в зависимости от различных условий и нередко в одних и тех же словах появляется в разных местах. Впечатления, получаемые нами в результате работы над языком среднеазиатских арабов, позволяют нам сделать в настоящее время по этому вопросу следующие предварительные замечания.

В области применения ударения, как и в других случаях, среднеазиатский арабский обнаруживает сходство с месопотамским и аравийскими бедуинскими диалектами. Обычно ударение предпочитается на первом слог с конца, если этот слог долгий: $\bar{s}ab\bar{i}$ 'юноша'; $\bar{h}\bar{u}sa\bar{i}n\bar{i}$ (сорт винограда); $\bar{m}ib\bar{i}h$ 'продавец'; $\bar{m}u\bar{c}ak\bar{k}il\bar{i}n$ 'уполномоченные'. Нередко ставится ударение и на просто замкнутом слог с кратким гласным, занимающим первое место с конца: $\bar{h}\bar{a}t\bar{a}r$ 'дрова'; $\bar{k}\bar{a}m\bar{a}r$ 'луна'; $\bar{h}\bar{a}m\bar{a}l$ 'овен' (знак зодиака); или даже на вторичных гласных: $\bar{b}\bar{a}'\bar{a}z$ < $\bar{b}\bar{a}'\bar{a}z$ < شعير 'волосы'; $\bar{i}z\bar{i}n$ 'ухо', и т. д. Кроме того, часто встречается ударение и на нунации $\bar{g}ild\bar{i}n$ 'шкура'; $\bar{h}\bar{a}dis\bar{i}n$ 'рассказ, слово'. Глагольные окончания множ. ч. жен. р. обычно носят на себе ударение: $\bar{z}\bar{a}rab\bar{t}\bar{i}n$ — 2-е л. жен. р. множ. ч. от ضرب; $\bar{z}\bar{a}rab\bar{i}n$ — 3-е л. жен. р. множ. ч. от того же глагола. Наряду с этим есть случаи появления ударения в двухсложных словах с краткими гласными на втором слог с конца: $\bar{u}\bar{a}lad$ || $\bar{u}\bar{a}lat$ < ولد; $\bar{a}sad$ || $\bar{a}sat$ < أسد (знак зодиака); $\bar{b}\bar{i}ket$ < بكت и т. д. В двухсложных словах со вторичным кратким гласным часто предпочитается ударение на втором слог с конца $\bar{z}\bar{a}fir$ < ظفر; $\bar{z}\bar{a}hir$ < ظهير; $\bar{b}\bar{a}t\bar{e}n$ < بطن; $\bar{l}\bar{a}h\bar{e}m$ < لحم и т. д.

Если второй слог с конца долгий, при условии, что первый слог краткий, то ударение падает на второй слог: $\bar{h}\bar{a}t\bar{e}m$ 'перстень'; $\bar{h}\bar{a}mid$ (n. pr. мужа); $\bar{g}idd\bar{a}mu$ < قدامة; $\bar{h}\bar{a}i\bar{t}$ (sic) < حائط, и т. д.

¹ Употребляется не в обычном смысле, а в значении 'эмира'.

² Класс. араб. دماغ, 'мозг', 'череп'.

В трехсложных словах с краткими гласными ударение часто падает на третий слог с конца: *káталu* < قَتَلَه; *káтабу* < كَتَبَه; *tíktibu* < تَكْتَبُه, и т. д., но заметно стремление к передвижению ударения на второй слог, как это имеет место в месопотамском и аравийском: *katábet*; *zarábet*; *i^aábər*; *i^aháfər* и т. д. В VII и VIII породах глаголов, подобно месопотамскому, в нашем диалекте также встречается ударение на втором слоге: *inázam* || *inházam* < اِنْهَضَم; *ingálab* < اِنْغَلَب. Дальнейшие изыскания в этом направлении, надеемся, позволят нам более уточнить правила применения ударения в отдельных говорах изучаемого диалекта.

5. ЗВУКОВЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ

По части изменения звуков следует отметить, что редко где из известных нам арабских диалектов распространены явления ассимиляции, перестановки, падения согласных, замены и т. д. в такой степени, как в обследованном диалекте. Так, напр., *t* ассимилируется с любым последующим звонким согласным: *midríd* < *mitríd* < *mi-tu-rídu* 'хочешь'; *idgūm* < *tgūm* < *tagūm* < *taḡūmu* 'встаешь'; *raššēdni* < *raššeṭni* 'ты бросил меня' и т. д. Иногда ассимиляция происходит полная, вследствие чего согласный элемент глагольного преформатива настоящего времени, по утрате гласного, совершенно сливается с последующим глагольным основанием и теряется бесследно. В связи с этим, формы лица в глаголе можно отличить только благодаря наличию предшествующего глаголу местоимения. Таким образом в целом ряде случаев имеем такие формы: *isəṭṭi* 'он делает' (< *isəṭṭi* < اِسْوَى) 'и она делает' или 'ты делаешь' (*isəṭṭi* < *issəṭṭi* < *itsəṭṭi* < *tsəṭṭi* < اِسْوَى); *misu* (*Ġāgarī*) 'он делает' и 'она делает' или 'ты делаешь'; *išila* (*Ġejnáu*) 'он поднимает' (от اِشِيلَه) и 'она поднимает' или 'ты поднимаешь' (*išila* < *iššila* < *itsila* < *tšila* < اِشِيلَهَا). То же самое происходит с конечным согласным элементом слова *fād* || *fat* < فَرَد. В зависимости от того, какой мы имеем звук в начале следующего за этой частицей слова, встречаются формы: *fad*, *faḏ*, *fat*, *fas*, *faṣ* (*faṣ-ṣabí*), *faz*, *faz* и т. д.

Я думаю, не будет преувеличением сказать, что таким же явлением ассимиляции подвержено большинство согласных среднеазиатского арабского. Перечислить в этом предварительном сообщении все случаи таких ассимиляций вряд ли представляется возможность. Необходимо лишь отметить, что такая тенденция к уподоблению привела в среднеазиатском арабском, быть может, не только под влиянием узбекского и туркменского, к гармонии гласных, которая в қашқадарьинском наречии (т. е. наречии, находящемся под сильным влиянием узбекского и отчасти туркменского) сказывается в большей степени, чем в бухарском. В результате этого мы имеем в глаголах совершенного вида полное однообразие гласных. При этом в языке 'Arab-ḥāne и отчасти *Ġāgarī* преобладающее значение имеет гласная второго коренного, которой и уподобляются остальные гласные, а в қашқадарьинском все глаголы, независимо от того, какую гласную имели они при второй коренной, представлены в виде *fa'al*. Таким образом, с одной стороны, имеем формы *zaḥak* 'смеяться', *halak* 'гибнуть, погибнуть', *labas* 'одеваться', а с другой — *ziḥik*, *hilik*, *libis* и т. д., точно так же, как и в некоторых бедуинских наречиях.

Гласный элемент глагольного префикса несовершенного вида нередко меняется в зависимости от характера гласного второго коренного согласного.¹ Так, в силу той же гармонии гласных, в қашқадарьинском имеем,

¹ Н. В. Юшманов, *ibid.*, стр. 78.

с одной стороны, i^uktul, tu^uktul, tu^uktulín, с другой — i^{ar}āuən, t^{ar}āuən (|| i^{ar}āuən (Ĝeīnāu); или же müzrubu, но müšīlu (Ĝāgarí).

В обследованном диалекте сильно развита замена согласных. Однородные согласные часто заменяют друг друга; так, напр., часто меняются: r || l — agal < перс.-тадж. agar 'если'; iğil < iğir 'нога'; tulid < turid 'рождать' (3-е л. жен. р. ед. ч.). У нас записана такая фраза: Amīr kāl-ki māratak bint túrid [< tulid —] agár, i uáladi māheda, ilái marati bint túrid agar, i uáladak mántiáh, т. е.: 'Амир сказал [-что-] „если жена твоя родит дочь, сыну своему возьму ее (в качестве жены), если жена моя родит дочь, сыну твоему отдам ее'. Таким же образом чередуются и другие плавные согласные.

Сильно развито падение согласных, часто теряется t в конце слова: ašrafijā < ašrafijāt; naḥnā < naḥnāt (в противоположность náḥna, которое употребляется в қашқадарьинском в значении pl. maiestatis); kun < kunt; так же теряется r (ḥai < ḥair 'хорошо'; fad < fard [форма, употребляемая и в месопотамском диалекте]) и n (akun, перс.-тадж. aknun 'теперь'; kēi || kēi < kēiḥin كائن и т. д.).

Утрата гласного в начале слова в Ĝeīnāu и 'Arab-ḥāne, редко в Ĝāgarí, возмещается протетическим гласным, появляющимся для устранения двухслогового начала. Таким образом имеем: əbrūhu < be-rūḥ-hu < بروحه 'он сам'; it'arakín < ta'arak-na (3-е л. жен. р. множ. ч. от تعارك 'ссориться'); it'āuən تعاون ... 'ты помогаешь', и т. д.

В қашқадарьинском наблюдаются случаи слияния конечного гласного с начальным гласным последующего слова: idrūn < iadrūn (adrūn < перс.-тадж. اندرون 'в', 'внутри'; māhesa < ma āhesa 'не возьму'; madri < ma adri 'не знаю'; mangalib < ma 'angalib 'не вернусь'; maḡi < ma aḡi 'не приду' (ср. ирак. maḡdur < ma'aḡdir¹); tálbisa 'одену' < ta-álbisa < تاليسه и т. д.

Односложные слова в обследованном диалекте, так же как и в некоторых других диалектах, становятся двухсложными. Гармония гласных сказывается и здесь; ša'ar < ša'r 'волосы'; izin < 'uzn 'ухо'; 'idil 'мешок'; baṭən < baṭn 'живот'; tibin < tibn 'солома'; zāhir < zāhr 'спина'; sabih < sab 'семь'; tisiḥ < tis 'девять' и т. д. С другой стороны, двухсложные слова в status constructus стягиваются в один слог: ualt mibīḥ; ualt ioldāš и т. д.

Несмотря на все эти изменения, язык среднеазиатских арабов с чисто внешней стороны, в смысле артикуляционной базы, интонации, акцентуации, манеры изменения голоса в вопросительных, так же как и в положительных предложениях, является типичной арабской речью. В этом сразу может убедиться всякий, имеющий возможность слышать эту речь непосредственно.

6. МЕСТОИМЕНИЕ

Значительный интерес представляет собой местоимение. Из личных местоимений следует отметить местоимение 1-го лица ana (ед. ч.) náḥna (множ. ч.) для обоих наречий. Форма, известная нам и по другим диалектам. Во 2-м лице имеем hint (муж. р.), hinti (жен. р.) в бухарском наречии и inta (муж. р.), inti (жен. р.) в қашқадарьинском. Во множественном числе, подобно месопотамскому, имеем hintu, hintin в бухарском и intu, intinna в қашқадарьинском. Формы naḥna и intu в қашқадарьинском имеют значение pl. maiestatis; для образования обычного же

¹ В. Meissner, ibid., p. VII.

множественного числа здесь использовано именное окончание множественного числа женского рода *āt: naḥnāt, intuāt* (во 2-м лице, во избежание зияния между конечным и слова *intu* и начальным гласным элементом суффикса *-āt*, часто появляется *antihiatu* в виде *u: intu-u-āt*). Личное местоимение 3-го лица в нашем наречии самостоятельно не употребляется. Оно сохранилось лишь при отрицательной частице *mā*, в виде *mā-hu* (муж. р.), *mā-hi* (жен. р.) (в бух.) и *ma-haṣ mā-haṣ* (қ.-дар.). Из этих форм первые (*mā-hu, mā-hi*) идентичны с соответствующими формами бедуинской речи Петры,¹ а вторые напоминают арамейские формы местоимения. Для 3-го лица использовано демонстративное местоимение *dūk, dūki* (в 'Arab-ḥane: *dēki*) в бухарском и *zāk, zika* в қашқадарьинском. Обе эти формы, повидимому, находятся в связи с класс. араб. *ذلك*, но при различных тенденциях к изменению в разных диалектах они приняли разный вид.

Во множественном числе, соответственно, имеем *dukōlā* (в 'Arab-ḥane *dēkalāu*), *dukālān*, с одной стороны, и *ziklōnāt, ziklānna*, с другой, — формы, привлечение которых, при сравнительном обзоре семитических местоимений, принесло бы немалую пользу.

Указательное местоимение 1-го лица, которое в сирийском звучит *hada, hadi, hal* (со значением детерминатива), в нашем диалекте тоже имеет форму *had, hadi, hat, hal* (бух.) или *hāza, hāzi* (в қ.-дар.). Любопытна форма множественного числа *hālān*, почти идентичная с араб. *hālēn*.

Относительное местоимение в среднеазиатском арабском исчезло. Вместо этого прибегают к описательному способу с помощью иранской частицы *kī* 'что'.

Вопросительное местоимение *māp* 'кто' сохранилось старое. Для выражения понятия 'что' употребляется обычная для большинства арабских диалектов форма *eṣ || eṣ* *أى شيء*.

В местоименных суффиксах больших отклонений не наблюдается. В 3-м л. ед. ч. в бухарском имеем *u* (после согласных) и *h* (после гласных), в қашқадарьинском — типичное для месопотамского диалекта *a*. Это явление мы считаем одним из основных признаков отличия между бухарским и қашқадарьинским наречиями. Во 2-м л. муж. р. в обоих диалектах имеем *k* после гласных и *ak* после согласных, как, вообще, принято в арабских диалектах. Только в форме женского рода появляется своеобразие. В бухарском наречии местоименный суффикс 2-го л. жен. р. ед. ч. представлен в виде *kī* даже в тех случаях, когда предшествующее этой частице слово оканчивается на согласный: *kataltkī* 'я убил тебя'; *apa maṭilkī* 'я тебя убиваю' и т. д., т. е. совершенно так же, как и в литературном языке. Қашқадарьинский в данном случае придерживается общей схемы.

Местоименный суффикс 1-го лица *-i* (в имени) и *ni* (в глаголе) обычен для всех арабских диалектов.

Во множественном числе следует отметить *hum || um* для мужского рода и *hin || in* для женского. Во 2-м лице, соответственно, имеем *kum, kin* в бухарском и *kum, kinna* в қашқадарьинском. В 1-м лице — везде *na*. Таким образом, в отношении местоимений, среднеазиатский арабский обнаруживает достаточную консервативность.

В качестве возвратного местоимения использовано слово *rūḥ* *روح* с частицей *[bi > b >]* *эб* в начале и с местоименным суффиксом в конце: *əbrūḥu* 'он сам'; *əbrūḥna* 'мы сами'. В *Ḡeṣṣāu*, кроме того, между

¹ Ср. Musil. Arabia Petrea, III, p. 350.

частицей *bu* [bi] и словом *rāḥa* [$\leq$ *rūḥa* روحه] появляется (повидимому, на фонетической почве) согласный *d*: *budrāḥa* 'он сам'. В обоих наречиях часто употребляется также в качестве возвратного местоимения слово *rūḥ* без предшествующей частицы; *rūḥna*, *rūḥkum* и т. д.

7. ГЛАГОЛ

Глагол обнаруживает ряд форм и явлений, свидетельствующих о сравнительно древней стадии развития изучаемого диалекта. С другой стороны, констатируется развитие новообразований, чрезвычайно интересных с точки зрения общего языкознания. Кроме того, надо отметить, что глаголу обследованных диалектов свойственны некоторые черты, характерные для речи бедуинов.

Прежде всего обращают на себя внимание глагольные окончания. В совершенном виде сохранились формы женского рода, оканчивающиеся в классическом языке на *na*, известные нам только в речи бедуинов и совершенно утраченные в других диалектах. Эти окончания, представленные в виде *in*, полностью совпадают с аналогичными формами бедуинских диалектов: *ṣaḥakīn* (3-е л.), *ṣaḥaktīn* (2-е л.), (*Ṣāḡarī*) или *ṣiḥkīn*, *ṣiḥiktīn* ('Arab-ḥāne).

В қашқадарьинском наречии формы женского рода множественного числа представлены несколько иначе. Здесь, вместо бухарского *in*, имеем окончание *ānna* (в 3-м л.) и *īnna* (во 2-м л.): *ṣaḥakānna*, *ṣaḥaktīnna*. Несколько отличается также окончание 3-го л. множ. ч. муж. р., которое в қашқадарьинском совершенно так же, как и в бедуинском, звучит *au*: *ṣaḥakaū* (в *Ṣāḡarī* и 'Arab-ḥāne эта же форма представлена в виде *ṣaḥaku* и *ṣiḥku*). Форма 3-го и 2-го л. муж. р. множ. ч. *ṣaḥakaū*, *ṣaḥaktu* в қашқадарьинском большей частью употребляются в значении pl. maiestatis; для обычного же множественного числа там образована новая форма с помощью окончания *āt*, заимствованного и здесь, как в местоимениях, от имен. Во избежание зияния, во 2-м лице, между глагольным окончанием и частицей *āt*, появляется *u*. Таким образом указанные формы в қашқадарьинском звучат: *ṣaḥakaūāt* 'они смеялись'; *ṣaḥaktuūāt* 'вы смеялись'.

Не менее интересны формы несовершенного вида. Прежде всего следует отметить наличие тех же самых окончаний женского рода *in* в бухарском и *īnna* в қашқадарьинском (на этот раз уже одинаково для обоих лиц жен. р. множ. ч.). Кроме того, сохранились окончания *īn* (2-го л. жен. р. ед. ч.) и *ūn* (2-го и 3-го лиц муж. р. множ. ч.), свидетельствующие также о некотором сходстве нашего языка с бедуинским.

В связи с этим следует отметить, что среднеазиатский арабский до сих пор сохранил отличия наклонений, хотя формы изъявительного наклонения, с характерными для него окончаниями *īn* (2-го л. жен. р. ед. ч.) и *ūn* (3-го и 2-го лиц муж. р. множ. ч.), вследствие утраты понимания их первоначального значения, нередко употребляются для обозначения сослагательного или условного наклонений.

Для бухарского наречия характерно также одно явление, которое отдаляет его не только от других арабских диалектов, но и от речи *Ṣeīnāu*. В форме несовершенного вида всех трех лиц появляется частица¹ *m* || *mī*, значение которой не ясно: *mīṣḥak* 'смеется'; *maṣḥak*

¹ Во 2-м лице трехбуквенных глаголов она исчезает, в силу, повидимому, стремления к сохранению количества слогов в глагольной форме. Поэтому, наряду с *mī-drīd*, имеем *tīṣḥak*.

‘смеюсь’; *mi-trīd* || *mi-drīd* ‘хочешь’, ‘хочет’ (3-е л. жен. р.); *mitrīdīn* || *mīdrīdīn* ‘хочешь’ (2-е л. жен. р.) и т. д. Вопрос о том, является ли эта частица заимствованием из иран. *می*, придающего глаголу значение длительности действия, или это обычный префикс несовершенного вида сирийского и египетского, — пока остается открытым. Не исключена возможность, что она образована по аналогии с причастием. Во всяком случае, эта частица не является средством противозияния в форме „я“ несовершенного вида, так как она появляется не только в 1-м лице, местоимение которого звучит *apa*, но и в 3-м лице, где местоимением служит *dūk* и где, следовательно, надобности в *antihiatu*’е нет.

В *қашқадарьинском* указанная частица совершенно отсутствует, что также является одной из характерных отличительных черт для этого наречия, сравнительно с бухарским. В связи с этим следует указать на один любопытный случай. Мы уже отметили, что в *қашқадарьинском* гласный элемент отрицательной частицы *mā* при его употреблении с 1-м лицом несовершенного вида глагола сливается с глагольным преформативом, в результате чего, вместо формы *mā aṣḥak* ‘не смеюсь’, появляется форма *maṣḥak* (с кратким „а“), которая внешне идентична с положительной формой бухарского глагола. Таким образом, по случайному совпадению, внешне одна и та же самая форма *maṣḥak* в бухарском означает ‘я смеюсь’, а в *қашқадарьинском* — ‘я не смеюсь’, *maḥḍir* ‘я могу’ (бух.) и ‘я не могу’ (қ.-дар.), *maḥid* ‘я хочу’ (бух.) и ‘я не хочу’ (қ.-дар.) и т. д. Неудивительно поэтому, что бухарские и *қашқадарьинские* арабы друг друга понимают с большим трудом или вовсе не понимают и предпочитают говорить между собой по-узбекски.

В глаголе необходимо также отметить образование, с помощью причастия действительного залога и местоименных суффиксов, форм со значением прошедшего неопределенного турецкого или *turmeobiti* (თუმეობით) картвельских языков: *šāijīnni* ‘я видел’; *ma sam’inni* ‘я не слышал’, и т. д. Здесь причастие действительного залога с утратой у трехбуквенных глаголов гласного второй коренной, с прибавлением неопределенной частицы *in* и притяжательных местоименных суффиксов, образует формы, аналогичные с прошедшим неопределенным тюркских языков, под влиянием которых возможно они и возникли.¹

Благодаря влиянию тюркских языков в среднеазиатском арабском глаголе возникли формы настоящего определенного (настоящее данного момента), неизвестного в семитических языках. Для этого к глагольной форме прибавляется причастие от вспомогательного глагола *nām* ‘спать, лежать’ (соответствует узб. *jatmaq*): *nājim*; *i’gi nājim* ‘он идет’; *tīgi nājim* ‘ты идешь’ и т. д. При переходных глаголах, в зависимости от изменения лиц основного глагола, меняются и лица причастной формы вспомогательного глагола с помощью местоименных суффиксов: *taktulu nājiminnak* ‘ты убиваешь’, *iktibu nājiminnu* ‘он пишет’, напр., *il min tiktibu nājiminnak* ‘кому пишешь?’, *il fad adami aktibu nājimānni*² (sic!) ‘одному человеку пишу’ и т. д.

¹ Глагольные формы, образованные с помощью причастия и притяжательных местоимений, как известно, характерны также для арамейского языка (где, между прочим, это явление рассматривается крупнейшими современными исследователями как результат влияния переднеазиатского субстрата), и не исключена возможность, что указанное явление среднеазиатского арабского глагола находится в какой-либо связи с этими арамейскими формами. Но идентичность этих форм, по содержанию, с турецким неопределенным и наличие в обследованном диалекте, наряду с этим, форм настоящего определенного (ср. ниже), образованных под несомненным влиянием тюркских языков, дает нам основание предполагать, что и указанные формы возникли в результате турецкого влияния.

² Следовало бы ожидать *nājiminni*.

Глаголу свойственна еще одна черта. Переходный глагол (особенно в говоре Ġāgarī) почти всегда снабжен местоименным суффиксом при наличии реального дополнения в предложении так же, как и в тех случаях, когда дополнение существует лишь потенциально. Таким образом местоименные окончания глагола являются в то же самое время объективными суффиксами, а сам глагол как бы приобретает характер объективного строя, знакомого нам по кавказским языкам. *iḥmār ḥadāh* 'осла взял его'; *ḥēt ḥadāh* 'веревку взял'; *illai ḥallāṣni* 'он меня спас [меня]'; *hint ilai handūk gülikokó intu* 'ты мне эту розу дай [ее]'; *Nāsu ba'asum* 'людей послал [их]' и т. д. Явление это не выдержано со строгой последовательностью, но встречается так часто, что некоторые формы переходных глаголов без местоименного суффикса, можно сказать, не употребляются. Отсюда один шаг к тому, чтобы переходные глаголы стали двучными подобно глаголам кавказских языков. Явление чрезвычайно интересное с точки зрения общего языкознания.

Повелительное наклонение недостаточных глаголов образуется по бедуинскому образцу с утратой конечной гласной: *imš*, *ibk* и т. д., вместо *imši*, *ibki* других диалектов и *أَمْشِ*, *ابْك* классического языка.

В удвоенных глаголах в нашем диалекте также появляется раздельная гласная, обычная и для других диалектов.

Хамзовые глаголы *ḥadā* < اخذ 'брать' и *kalā* < أكل 'есть, кушать' в повелительном наклонении, вместо обычного *ḥuz*, *kul*, образуют по аналогии формы: *uḥud*, *ukul* (Ġrī) или *uḥda*, *ukla* (Ġeīnāu).

Породы сохранились почти полностью. Только IV порода вытеснена интенсификом, хотя и она встречается: *anta* || *anṭa* (ср.: ирāk. *anta*, палест. *anṭa*).

Подобно сиро-палестинскому и месопотамскому, в обследованном диалекте возникли формы будущего времени, образованные с помощью частицы *ta* < متى: *ta - tiḳtila* 'убьет ее'; *ta-noḡdi* 'пойдем'; *taṭəkūn* 'будет' и т. д.

Глаголы *جاء* 'приходить' и *غدا* (лит. 'отправиться рано утром', ср.-аз. араб. 'уходить; отправиться') в 3-м л. муж. р. ед. ч. имеют суффикс *-k*: *ḡak*, *ḡadāk* (с краткими гласными). Происхождение этой частицы очень долго оставалось для нас непонятным. Теперь, благодаря наличию параллельных форм в қашқадарьинском, можно высказать некоторые предположения. В среднеазиатском арабском очень часто встречается причастная форма глагола *كان*: *kōjīn*, *kāejīn*, *kēn*, *kīn*, *kin*, выполняющая функции вспомогательного глагола. Так, напр., в Ġeīnāu, для образования как бы *plusquamperfect'a* от глагола *جاء*, к глагольной теме *ḡa* (جاء) присоединяется причастие *kāejīn*: *ḡa'kāejīn* ['—оказывается—] он пришел'. В Ġāgarī и Arab-ḥāne встречаются также формы *ḡakkīn* (от *جاء* и *كان*), *ḡakīn* и *ḡadakīn* *ḡadakkīn*¹ (от *غدا* и *كان*). В результате утраты конечного *n* (ср. выше, стр. 139) и дальнейшего исчезновения гласного *i*² могли возникнуть формы бухарских арабских глаголов *ḡak*, *ḡadāk*, отсутствующие, между прочим, в қашқадарьинском. Н. В. Юшманов указал нам по поводу *ḡak*, что этому глаголу вообще везет в диалектах на наращения: *جاءا* без изменения значения, *جاء* (из *جاء*) с каузативным значением 'приносить' (употребляется и в нашем наречии) и, наконец, бух. *ḡak*. Но

¹ С удвоением *k* между двумя гласными.

² Ср. выше аналогичный случай в повелительном наклонении недостаточных глаголов.

если глаголу ġak везет на наращение, то глагол كان, наоборот, проявляет тенденцию к сокращению, если вспомнить об утрате коренного п еще в классическом языке или отрицательной частицы māku (ирак).

Таким образом, если наше объяснение верно, то мы имели бы любопытный случай сокращения самостоятельного слова и его перерождения в глагольное окончание.

Форма маџдара унифицирована. Все глаголы даже I породы одинаково образуют маџдар. В 'Arab-ħāne и Ğejnau — с помощью aħān и an (kalān от اكل; garān от قرأ; zabahān от ذبح; в 'Arab ħāne: kaḷahān, zabhān, kaṭlān, zarbān и т. д.), а в Ğāgarī — с помощью ijānu, с утратой гласной у второй коренной (ka'dijānu от قعد; harbijānu от هرب; ṭal'ijānu от طلع и т. д.). Интересны формы маџдара пустых глаголов: ḥaifijānu < خاف; ma'ijijānu < مات; šeifijānu < شاف; seiķijānu < ساق. В производных породах в бухарском наречии, по аналогии с причастием, появляется mi||mu: mirakbijānu < كب; miṭ'arkijānu < تعارك; minkisrijānu < انكسر; muḥtultijānu < اختلط и т. д.

8. ИМЯ

В имени можно отметить сохранение неопределенного члена in (без выражения падежных отличий). При сочетании существительного с прилагательным снабжается неопределенным членом только определяемое, как это имеет место в речи бедуинских говоров Аравии: ¹ ḥadisīn kabīr 'большое слово'; dēuīn aswad 'черный див'; farasīn ābiaz 'белая лошадь' и т. д. С другой стороны в бухарском говоре нуация отсутствует, и в противоположность большинству арабских диалектов, вместо marḥaban, aḥlan uа saḥlan и т. д., имеем marḥabā и т. п. — обороты, идентичные с аналогичными формами речи бедуинов.² Только в кашқадарьинском встречается адвербиальная форма с нуацией, хотя и здесь наблюдается колебание, и, наряду с 'uguban и 'ugubīn || 'ugbīn, имеем 'ugub.

Сохранилось также правильное множественное число с окончанием на in (с долгим гласным): muṣakkilīn < موكلون чаще встречается форма множественного числа на āt, вместо ломаного: iīd || iit || it 'рука' — iīdāt; даже в словах мужского рода: faras 'лошадь' — farasāt; kitāb 'книга' — kitāb-āt; kalb 'собака' — kalbāt. Нередко употребляется и множественное ломаное: iḡil || riḡal 'нога' — riḡul; izīn 'ухо' — izūn; ḥāḡib 'бровь' — hauāḡib; iḥmār 'осел' — ḥamīr, наряду с iḥmārāt, и т. д.

В имени сохранились также формы двойственного числа: iīdēn < يدان; ḥāḡibēn < حاجبان; 'ænēn < عینان; ḥaitēn < حیطان; leiltēn < ليلتان; naḥārēn < نهاران и т. д.

Для понятия „один“ в значении неопределенного члена употребляется fat || fad < fard, обычное для иракского³ и констатированное и в речи бедуинов.⁴

9. ЧИСЛИТЕЛЬНЫЕ

Арабских числительных почти не сохранилось. В Ğejnau большинство населения умеет считать по-арабски только до пяти. Но и здесь арабские числительные уступили место таджикским. В бухарской области арабские

¹ Н. В. Юшманов, *ibid.*, стр. 79.

² Ср.: Wallin, ZDMG, XII, p. 674.

³ Где, между прочим, наряду с fard встречается также и fad, как в нашем диалекте.

⁴ А. Socin. Diwan aus Centralarabien, III, § 69 в, p. 96; а также 1, 26, 14; 32, 16; 37, 17; 36, 18 и др.

числительные хотя и встречаются, но и там предпочитают вести счет по-таджикски. В настоящее время числительные имеют следующий вид: *uāḥed* || *uāḥda* (*fataḥed*), *isnēn*, *salās*, *ārba'* (или *ārbaḥ*), *ḥams*, *sit(t)*, *sābēḥ*, *samān*, *tisiḥ*, *ʿašer* = 10; *ʿašer-uāḥda* = 11; *ʿašer-esn ēn* = 12; *ašersalās* = 13, и т. д.; *ašrūn* = 20. Начиная с 30 счет идет по десятичной системе, подобно иранскому: *salās ʿašrāt* = 30; *ārba'* (и *ārbaḥ*) *ʿašrāt* = 40; *ḥams ʿašrāt* = 50.

Mī'a (с 'айном, вместо хамзы) 'сто', сохранилось во всех наречиях.

10. ОТРИЦАНИЕ

Для отрицания употребляется обычное для арабских диалектов *lā*, *la'* (в паузе) и *ma*. При формах несовершенного вида согласный элемент частицы *lā* в 'Arab-ḥāne ассимилируется с глагольной приставкой, и получается *nā* > *na*: *na maḳdir*, вместо *lā maḳdir* 'не могу'.

Для отрицания употребляются также *māmin* (к.-дар.) и *man* (бух.) 'нет'.

Любопытны случаи употребления частицы *mā* || *mā'* в сочетании с местоименными суффиксами: *mā-hu*, *mā-hi* (бух.) *mā-hau*, *mā-hai* (к.-дар.) 'нет его, ее'; *mānni mānnak* (с удвоением *n* между двумя гласными), *mānkum* и т. д. 'я, ты, вы — не...', 'нет меня, тебя, вас' и т. д. Напр. *dēu ḳāl-ki ana ʿabt mānni dia!* 'див сказал [—что—] „я ведь не раб!“.

11. ПОДТВЕРЖДЕНИЕ

Утвердительная частица „да“ „ja“, „yes“ в нашем наречии отсутствует. Для утверждения повторяется вопрос без вопросительной частицы (*tiktib-mi?* 'пишешь ли?' < *maktib* 'пишу') или же употребляется междометие *hāa*.

12. ЧАСТИЦЫ

Из многочисленных предлогов следует особо отметить частицу *i* < || *il* (< *ilā*), употребляемую, подобно 'иракскому, в самых разнообразных значениях.¹ Исходный согласный этой частицы почти уже совершенно исчез, так что предлогом в большинстве случаев служит одна гласная *i*. В сочетании с местоименными суффиксами еще сохранилась старая форма: *ilaj*, *ilēk* || *ilēk*.

13. ВОПРОС

Вопрос большею частью выражен с помощью сложных частиц: *eš*, *ěš* *ي شى* 'что'; *esāb* (бух.) 'где, куда'; *eškō* (к.-дар.) 'где, куда'; *ěslōn* *ايش لون* 'как'; *ši-ni* (< *ši-li?*), *li* 'почему'.

Широкое распространение получила турецкая вопросительная частица *mi*: *tikdir-mi?* 'можешь ли?'; *tōḡdi-mi?* 'уходишь ли?' и т. д.

14. СТРОЕНИЕ ФРАЗЫ

Конструкция арабской фразы совершенно разрушена, как уже правильно отметил Н. В. Юшманов. В нашем наречии возникли необычные для арабского и семитических языков синтаксические явления, которые отдают его от известных нам остальных арабских диалектов.

¹ Н. В. Юшманов, *ibid.*, стр. 80.

Старый семитический порядок *status constructus*¹ — определяемое определение — в обследованном диалекте еще сохранился (*bint pāšā* ‘дочь паши’; *um[m]bint* ‘мать дочери’), но нередко встречается необычное для семитических языков сочетание (определение-определяемое), воспринимаемое как детерминативный композит (*tatpuruša*) индоевропейских языков: *ḥatab mibīḥ* ‘дров продавец’.

Большое распространение получил так называемый турецкий изафет, когда существительное-определяемое, поставленное после определения, снабжено местоименным суффиксом: *ḥamīr saḥbīn hīnu?* (бук.) ‘владелец ослов где?’, букв. ‘ослы — владелец их где [—он—]?’; *zūčkī āpāh hīnin* (бук.) ‘глаза твоего мужа где?’, букв. ‘муж твой — глаза его где [—они—]?’; *lāḥem gīdiru ḡābu* (бук.) ‘котел [—для—] мяса принес он’, букв. ‘мясо — котел его принес он [—то—]’; *dīē m’rta* (Ḡeīnau) ‘жена дīва’, букв. ‘дīв — жена его’.

Порядок слов в предложении таков: подлежащее обычно предшествует сказуемому: *ḡaldaīn kībīr gāl-ki...* (Ḡeīnau) ‘старший сын сказал, что...’; *ḥaṭīb kāl* (бук.) ‘ḥaṭīb сказал’ и т. д. Дополнение также ставится впереди сказуемого: *i ḡarba kāl* (бук.) ‘щенку сказал’; *handūk tapsīn kabīr ḥadāh* (бук.) ‘ту большую тарелку взял’; *i nasībīnu kāl ki „ummi ḥač maḡudi a“* (бук.) ‘своим соседям сказал [—что—] „мать мою на ḥадждж веду“’; *Abūh¹ kāl-ki binti i ḥamāt aḥtēta* (бук.) ‘ее отец сказал [—что—] „дочь свою этому я даю“ [=дал]’; *ḥimāra sāḡa ḡadāk* ‘ослицу погнав — ушел’.

Таким образом порядок слов обычно подчиняется схеме: подлежащее, дополнение, сказуемое.¹ *Ḥōḡākūš i ḡalt pāšā i-suhru kāl* (бук.): *Ḥ* сыну паши, зятю своему, сказал’; *kasīr adamīn i-bint ḡābūa i-bē(i)tum* ‘много людей привезли девушку в их дом’; *bint faz zabība lāket* (бук.) ‘девушка одну изюмину нашла’.

Если логическое ударение падает на дополнение, то оно ставится перед подлежащим: *i ḥa-adamām* (sic) *Ḥōḡākūš kaḡabuh* ‘и этого человека *Ḥ* схватил’; *hal-matal Ḥairēllā ḡalt Aḥmāt gāla* (Ḡeīnau) ‘эту сказку *Ḥ*, сын *A.*, сказал’; *māratak dūk ḥadāha* (бук.) ‘твою жену он взял’; *illāi² hinti ḥillīni* ‘меня ты (жен. р.) освободи’; *ḥamaī mārati fat ādōemī ḥadāha* (бук.) ‘эту мою жену один человек взял’; *kāl-ki abūī ana la mānta ta-tīktīlu* (бук.) ‘сказал [—что—] „я не дам тебе убить моего отца“’.

Эти изменения в строении фразы являются, повидимому, причиной появления в глаголах объективных суффиксов, ибо отличить субъект от объекта, при отсутствии падежных окончаний у имен, не было бы возможным, если бы местоименные суффиксы не указывали на дополнение. Впоследствии эти суффиксы, часто употребляемые с глагольной формой, сражаются с ней, как бы образуя двуличные глаголы с внутренними субъектом и объектом. Образование подобного типа глаголов в семитическом диалекте представляется нам чрезвычайно важным явлением, интересным для изучения истории возникновения двуличных глаголов вообще.

Определительное придаточное предложение в обследованном диалекте отсутствует. Придаточное предложение, вместо слова „который“, связывается с главным с помощью заимствованной с персидско-таджикского частицы *ki*: *hal-adamī, ki ḡāi...* (бук.) ‘этот человек, что [—который—] пришел...’; *ḥaī mara, ana ki ḥadēta* (бук.) ‘эта женщина, что [—которую—] я взял (в качестве жены)’, и т. д.

¹ Н. В. Юшманов, *ibid.*, стр. 80.

² Так.

Эта же частица использована для введения прямой, так же как и косвенной, речи. 'Ajjān ki zihket (бух.) 'увидел, что засмеялась'; 'ajjan, ki fūk rasu fad moisafēt uōkif (бух.) 'увидел, что над его головой один старик стоит'; 'ajjan, ki adamin amir qa'din (бух.) 'увидел, что люди эмира сидят'. Или же: dūk qāl-ki ana ma'rifu bētu (бух.) 'он сказал [—что—] „я знаю его дом“; hilāf zagīr qāl-ki „imš uadni“ (бух.) 'потом юноша сказал [—что—] „иди, возьми меня“; hilāf fad adami ġak-kēn qāl i hamat zagīr ki „marat ak dūk ḥadāha“ (бух.) 'потом один человек, который пришел, сказал этому юноше [—что—] „жену твою тот взял“; d(i)ēuāt kālīn ki (il hat zagīr) „šuglak šor-mi iō šugl 'ændak?“ (бух.) 'дивы сказали [—что—] (этому юноше) „исполнилось ли дело твое или еще есть у тебя дело?“; ummu ṭala-et qālet-ki „eš mitkūlūn?“ (бух.) 'его мать вышла, сказала [—что—] „что вы скажете?“.

Согласование в лице, числе и роде в общем следует обычной схеме, хотя и в этой области наблюдаются некоторые необычные отклонения от арабской нормы, свидетельствующие о значительном изменении арабского мышления благодаря влиянию окружающих языков.

15. ЛЕКСИКА

Словарь, в основном, состоит из семитического материала. В этом отношении наш диалект близко примыкает опять-таки к иракскому, отчасти аравийскому. Разница между бухарским и қашқадарьинским наречиями чувствуется и в области лексики. Так, напр., обычное для бухарского наречия hilāf 'потом' неизвестно в қашқадарьинском, где вместо этого употребляется 'ugub, 'uguban || 'ugubin (ср. ирак. 'ag[u]b, арав. 'ogub); или же бух. esāb 'где' — қ.-дар. eskō; қ.-дар. madd 'уходить' неизвестно в бухарском. С другой стороны, обычное для Arab-ḥāne и Ğejnāu sār 'уходить' вызывает насмешку у жителей Ğagarī.

В словаре сильно отражается также влияние окружающих языков. Но интересно отметить любопытные случаи, когда в арабский диалект попадают арабские же слова при посредстве чужих (персидско-таджикского, узбекского) языков, как, например: ra'īs 'председатель'; šūra 'совет'; maktab 'школа', и т. п.

Таким образом работа над обследованным диалектом приводит нас к следующим выводам.

I. Среднеазиатский арабский является самостоятельным диалектом, занимающим, подобно мальтийскому, совершенно обособленное место среди известных нам до сих пор диалектов арабского языка. Мало того, если к вопросу о делении на языки и диалекты определенных языковых единиц подойти с точки зрения степени понимания, в данном случае понимания представителями стран арабского Востока нашего языка, мы бы смело могли его назвать самостоятельным языком, вроде того, как, напр., принято называть современные южноарабские языки Mehri, Soqotri и т. д., ибо сомнительно, чтобы для какого-либо палестинского феллаха наш язык оказался бы более понятным, чем современная древнееврейская речь Иерусалима. Но степень понимания критерием служить не может, и, несмотря на всевозможные изменения, разрушения синтаксиса и т. д., при более детальном изучении языка среднеазиатских арабов мы все больше убеждаемся, что все те явления, которые отдаляют его от арабского, являются или следствием совершенно закономерного внутреннего развития самого языка, или же привнесены извне. И если очистить наш язык от привнесенных элементов,

перед нами предстанет настоящий арабский со свойственными исключительно ему языковыми явлениями.

II. Этот язык среднеазиатских арабов обнаруживает близкое сходство с месопотамской и отчасти центральноаравийской бедуинской речью, хотя, наряду с этим, в нем встречаются отдельные формы и явления, характерные и для других диалектов арабского языка.

III. Внутри самого среднеазиатского арабского следует отметить наличие, по крайней мере, двух самостоятельных наречий. Выше мы лишь мимоходом касались отдельных случаев расхождения между бухарским и қашқадарьинским наречиями. В действительности этих расхождений значительно больше. Разница чувствуется не только в фонетике и морфологии, но и в лексике, подвергнувшейся сильному иноязычному влиянию. Это и понятно. Бухарские арабы, наряду с арабским, хорошо знают также таджикский и узбекский. Но они указывают, что несколько десятков лет тому назад арабов, владевших узбекским, было очень мало. При этом и лица, умеющие говорить по-узбекски, знакомились с этим языком лишь после изучения таджикского. В Джейнау наблюдается обратная картина. Там только немногие старики могут объясняться по-таджикски. Зато вторым обиходным языком для местного арабского населения является узбекский язык, которым постепенно вытесняется родной язык арабов. Кроме того, в Джейнау распространено также знание туркменского. Таким образом влияние тюркских языков сказывается в қашқадарьинском в большей степени, чем в бухарском. Но эти различные влияния относятся к значительно более поздней эпохе, и расхождения, вызванные ими, тоже позднего происхождения. Более интересны расхождения, обнаруживающиеся на основном семитическом материале. Эти различия в области фонетики, глагола, местоимений и т. д. не могут быть объяснены как результат различных влияний окружающих языков. Они, по всей вероятности, восходят к более древней эпохе и свидетельствуют о том, что разница в языке существовала еще до переселения предков наших арабов в Среднюю Азию.

В настоящем кратком сообщении мы не могли коснуться отдельных форм и явлений, встречающихся в нашем диалекте и представляющих подчас значительный интерес как для арабской диалектологии, так и для общего языкознания в широком смысле. Мы надеемся коснуться этих вопросов более подробно в ближайшем будущем, когда собранные нами диалектологические материалы будут полностью опубликованы.
